

М а с т е р балетной сцены

Вет. Москва, 1983, 22а82, N191

Владимир ВАСИЛЬЕВ,

народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

В издательстве ВТО готовится к печати книга, посвященная творчеству и личности выдающегося советского артиста, балетмейстера и педагога, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий СССР Леонида Михайловича Лавровского. Это первое издание о мастере балетной сцены объединяет различные материалы. Это и архив балетмейстера, и воспоминания о нем известных деятелей театра, критиков, артистов балета. В их чис-

ле С. Головкина, М. Кондратьева, М. Либа, Б. Покровский, В. Рындин, К. Сергеев, М. Царев, сын балетмейстера М. Лавровский... Составители сборника — М. Березина и Н. Чидсон.

Предлагаем вниманию читателей отрывок из входящих в сборник воспоминаний солиста балета Большого театра народного артиста СССР Владимира Васильева.

Первые еще детские впечатления. 50-й год. Мы — группа учеников второго класса хореографического училища при ГАБТе СССР в ролях юных пионеров. На сцене репетиция балета «Рубиновые звезды». Балетмейстер в белой рубашке с расстегнутым воротом, с засученными до локтей рукавами очень энергично выстраивает мизансцены героев спектакля и кордебалета.

Движения его властны и значительны, да и весь облик таков, что не оставляет никаких сомнений в том, что здесь он хозяин. Серьезные умные глаза, длинные темные волосы, красивый профиль волевого человека. К нам, ученикам, он почти не подходит и с нами не разговаривает, но, когда он приближается к нашей группе, я чувствую страх, непонятно отчего. Мне почему-то кажется, что если он заговорит, то обязательно будет ругать кого-то из нас, и скорее всего меня.

Удивительно, как долго живут в нас именно детские впечатления. Вы можете потом, когда станете взрослыми, хорошо узнать человека, он может оказаться другим, но первое детское ощущение личности будет постоянно напоминать о себе. Вот и у меня, даже значительно позже, когда я стал актером и вплотную сошелся в работе с Леонидом Михайловичем Лавровским, ощущение натянутости и неловкости нет-нет да и проскальзывало. И даже сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной стоит именно тот его портрет, впервые увиденный в детстве, хотя я помню его увлеченно рассказывающим о своей учебе в Ленинграде, помню редкую улыбку и порывистость движений, но тот, первый облик пересиливает.

Мог ли я тогда думать, что через несколько лет станцую на сцене Большого театра одну из главных ролей в спектакле «Страницы жизни», бывшем балете «Рубиновые звезды». Балете, в котором за четыре года репетиций я прошел путь от октябренька, пионера, комсомольца и закончил его ролью Андрея, в конце убеленного сединами, отечески наблюдающего за молодым сыном погибшего товарища — его роль самозабвенно и виртуозно исполнил сын Леонида Михайловича Лавровского Михаил.

Для меня Лавровский остался прежде всего как художественный руководитель огромного коллектива, знающий его возможности. Он часто появлялся на общих репетициях, я уже не говорю о работе его с исполнителями ведущих ролей. Хорошо чувствовал кордебалет и умел с ним работать. Разумеется, его присутствие подтягивало всех без исключения. При его появлении все разговоры смолкали, а когда Лавровский приходил в класс (время от времени он как бы ревизовал повседневную работу артистов), редко кто отваживался закончить урок раньше срока. Сейчас мне кажется, что педагогическое начало Л. Лавровского было сильнее развито, чем балетмейстерское, но в силу того, что долгое время Леонид Михайлович был главным балетмейстером Большого театра, деятельность художественного руководителя наложила отпечаток на собственное хореографическое творчество. Одно шло в ущерб другому.

Его собственное творчество органично вытекало из опыта великих предшественников. Сохранение лучших спектаклей в репертуаре совет-

ского театрального искусства он считал своей обязанностью и поэтому очень внимательно следил за состоянием балетов, идущих на сцене нашего театра. Его вкус художника определял качество ансамбля, прежде всего атмосферу сцены, выразительность актерского мастерства, которому он придавал огромное значение и без которого не признавал танцовщиков, какой бы идеальной формой от природы они ни обладали.

Он очень хорошо понимал и ценил главную особенность русского балета, духовность и взволнованность чувств. Герои его спектаклей — натуры всегда очень сильные, борющиеся за свою идею пламенно, яростно, самоотверженно. Их страсти кипят и рвутся наружу, заряжая своими эмоциями и привлекая к себе симпатии зрителей.

Гастроли Большого театра в 1956 году в Англии буквально перевернули мировое представление о балетном театре в СССР.

Согласитесь сами: привезти Шекспира на родину Шекспира да еще лишиться его слова, столь знакомого уху лондонца, — эксперимент рискованный. Только великое искусство способно заставить звучать жест, способно выразить языком пластики, танца, мимики все нюансы великого драматурга. Только великая музыка, сливаясь воедино с телами и душами исполнителей, слившись с красочными декорациями и костюмами, став зримой, наконец, благодаря этим самым исполнителям способна была пережеститься через рампу в темноту зрительного зала и взять почти физически за сердце каждого; заставить их дышать своим вздохом, плакать и смеяться тогда, когда сама хотела.

Только подлинное искусство способно объединить различных людей в едином порыве познания прекрасного. Люди с «железными волей и стальными нервами» заговорили о любви и нежности так ярко и выразительно, так чисто и поэтично, так доходчив, прост и ясен был язык их жестов, так эмоционален танец, так раскрыты их чувства, что не проникнуться ими не могли самые черствые.

Это был триумф советского классического балета, новое открытие Советской России, начало нового балетного бума на Западе. И одним из главных творцов этого бума был Л. Лавровский, в то время главный балетмейстер Большого театра. Долгое время еще Запад не мог опомниться от увиденного, а советский балет все больше и больше расширял географию своего влияния на развитие мировой хореографии, с каждым приездом щедро раскрывая свою копилку шедевров старой и новой классики и одаривая признательную публику все новыми и новыми талантами.

Я задаю себе вопрос: а что же я имею в виду под словами «советская балетная классика»? Какие спектакли в первую очередь определяют историю советского балета? Какие должно сохранить для потомства?

Их несколько, и в первом ряду красной строкой я бы назвал «Ромео и Джульетту» С. Прокофьева, спектакль, поставленный выдающимся советским балетмейстером Леонидом Михайловичем Лавровским, открывший миру великую балерину — Г. Уланову, сделавший понятным слово «Большой» и положивший начало всемирному признанию советского балета.